

Европейский Суд по правам человека

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «САВИНЫ ПРОТИВ УКРАИНЫ»
(Application no. 39948/06)

Окончательное решение (18/03/2009)
(извлечения)

[...]

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители, муж и жена, родились в 1957 и 1956 гг. соответственно и проживают в Ромнах.

A. Семейные обстоятельства и жилищные условия заявителей

6. Оба заявителя являются слепыми с детства.

7. С 1990 по 2006 г. первый заявитель официально работал на предприятии, управляемом Украинским обществом слепых ("УОС"; *Українське товариство сліпих*), общественной организацией, субсидируемой государством и обеспечивающей помощь слепым людям. Однако, как следует из высказываний его работодателя, между 2001 и 2006 гг. первый заявитель в действительность работал не более нескольких дней в году. В 2006 году первый заявитель достиг пенсионного возраста и был уволен по сокращению штатов. Второй заявитель прекратил работу в начале 90-х.

8. С 1997 г. Семья официально занимала две двухкомнатных квартиры, принадлежащих государству, хотя, по словам заявителей, они пользовались только одной из них. Квартиры были обеспечены печным отоплением, но не имели канализации и горячего водоснабжения.

9. Заявители родили семерых детей: О. С., род. в 1991 г., М.С., род. в 1992 г., Ю.С. род. в 1993 г., П.С., род. в 1995 г., С.С. род. в 1997 г., К.С., род. в 1998 г и Т.С., род. в 2001.

10. В феврале 1998 четверо детей (М.С., Ю.С, П.С. и С.С.) были приняты на государственное попечение на основании невозможности заявителей обеспечить для них адекватную заботу и воспитание. Дети сперва были помещены в различные заведения; однако в настоящее время представляется, что все они, кроме П.С., усыновленного с согласия заявителей, проживают в Ромненском интернате (*Роменська загальноосвітня школа-інтернат I-III ступенів для дітей-сиріт і дітей, позбавлених батьківського піклування ім. О.А. Деревської*).

11. В 1997 г. О.С., старший сын, остававшийся на попечении заявителей, также был принят в Ромненский интернат. Родители брали его домой на выходные и каникулы.

Несколько раз школьная администрация жаловалась муниципальным властям, что О.С. регулярно убегал из школы, бродяжничал, собирал пустые бутылки и попрошайничал. Никаких конкретных данных об этих инцидентах не приводилось.

12. Между 1998 и 2004 гг. представители муниципальной Службы по делам несовершеннолетних (*Служба у справах неповнолітніх*) и органа опеки (*Орган опіки та піклування*), в сотрудничестве с представителями ряда других муниципальных властей, посещали жилище заявителей около десяти раз и готовили отчеты относительно того, являются ли жилищные условия подходящими для воспитания детей, оставшихся на попечении заявителей. В соответствии с этими отчетами, условия были весьма неудовлетворительными. В частности, жилище крайне нуждалось в ремонте; было холодным, грязным, полным паутины, чувствовался запах человеческих экскрементов. Одежда и тряпье были разбросаны на полу и кроватях. Посуда была невымытой. Постельное белье, если было, было грязным. Детский матрас в середине был сырым, из-за большого количества мочи. Детская койка не подлежала использованию. В кухне не было еды. Дети были грязными и одеты не по сезону. Один из отчетов также содержал упоминание, что Т.С., младший ребенок, страдал от кожной сыпи. Согласно другому отчету «дети были больны», хотя никакие симптомы не описывались. В один из приходов дети не пустили инспекторов, поскольку родители вышли за молоком и дети были одни со старшим ребенком, О.С.

13. Несколько раз, в неустановленные даты между 1998 и 2004 г., УОС обеспечивало заявителей различными видами помощи в незафиксированном объеме, включая обеспечение дров, одежды, обуви и пищевых продуктов (таких, как сахар, картошка, крупа и мука). В 1998 г. УОС также использовало местных студентов-добровольцев для производства некоторых ремонтных работ в квартире: в частности, для побелки стен и покраски пола и оконных рам.

14. В неустановленную дату заявители обратились к муниципальным властям с просьбой об оборудовании их жилища природным газом, в целях улучшения их отопления, возможности готовить и обеспечения доступа к горячей воде. 10 января 2000 г. их проинформировали, что соседи сильно возражают против этого, находя это опасным ввиду слепоты заявителей и наличия у них маленьких детей. Кроме того, это было невыполнимо технически.

15. 22 февраля 2000 г. Заявители обратились к главе муниципального отдела соцобеспечения за помощью в устройстве на подходящую работу первого заявителя. Какая-либо информация об ответе на это обращение отсутствует.

16. 22 февраля 2000 г. служба по делам несовершеннолетних обратилась к главе муниципального комитета по делам женщин с просьбой обеспечить гуманитарную поддержку семье заявителей. Какая-либо информация об ответе на это обращение отсутствует.

17. 16 февраля 2001 г. К.С. был осмотрен врачом, отметившим в записях отставание в речевом развитии ребенка и признаки у него анемии на начальной стадии. Врач далее указывал, что живот ребенка мягкий и не раздут, температура нормальная, отсутствуют признаки плохого питания или кожных заболеваний, лимфатические узлы в области печени не увеличены, горло нормальное, отклонений в мочеиспускании и дефекации нет.

18. 27 февраля 2001 г. заявители получили 150 Украинских гривен (UAH)¹ в качестве финансовой помощи на оплату электричества.

19. 8 июля 2003 года Муниципальный Комитет по социальной защите и предотвращению правонарушений среди несовершеннолетних предупредил заявителей, что они должны улучшить условия, в которых воспитываются их дети.

20. В неустановленную дату администрация детского сада, посещаемого К.С. с 2003 года, подготовила отчет о его развитии, в котором утверждалось, что К.С. регулярно

¹ Около 20 евро

посещал дошкольное учреждение, и что его родители доставляли его туда и забирали его домой вовремя. Была отмечена активная заинтересованность второго заявителя в вопросах, относящихся к К.С., и наличие с его стороны реакций на замечания воспитателей и медицинского персонала. Указывалось, что ребенок несколько упрям и неактивен во время занятий, однако охотно общается с другими детьми. С другой стороны указывается, что совоспитанники К.С. иногда бывают напуганы его грязным видом и одеждой.

21. В декабре 2003 г., Ромненский Центр детского здоровья удостоверил, что О.С. и К.С. получают питание в школе и обеспечены путевками в летние лагеря в связи с тем, что страдают от начальной стадии анемии.

22. В неустановленную дату первый заявитель инициировал судебные слушания против своего работодателя, требуя выплаты задолженности по зарплате и различных компенсационных выплат, включая компенсацию за простой в течение неуказанного времени до 31 ноября 2004 г. 3 ноября 2004 г. Ромненский Суд прекратил рассмотрение дела ввиду достижения мирового соглашения между сторонами, в соответствии с которым первому заявителю должно было быть выплачено 1,500 UAH². 5 января 2006 г. Ромненский Суд дополнительно присудил первому заявителю 1,110 UAH³ в виде различных компенсационных платежей в связи с продолжением простоя.

В. Судебный процесс в связи с помещением О.С., К.С. и Т.С. на государственное попечение

23. 5 января 2004 ромненский Прокурор инициировал, по запросу Службы по делам несовершеннолетних, судебный процесс в целях помещения О.С., К.С. и Т.С. на государственное попечение.

24. 2 декабря 2004 года суд, выслушав заявителей, Службу по делам несовершеннолетних и орган опеки, удовлетворил требования прокурора. Соответствующая часть судебного решения гласила:

“Ответчики [заявители] не заботятся и не воспитывают детей соответствующим образом. Дети грязные, голодные и часто остаются дома одни...”

Представители Службы по делам несовершеннолетних и Органа опеки поддерживают обвинение и описывают ужасные (*жахливі*) жизненные условия семьи ответчиков, грязь, антисанитарию (*антисанітарія*), крайнюю бедность....

... В соответствии с записями из детской больницы от 16 декабря 2003 г., К.С. и О.С. состоят на учете в центре здоровья в связи с начальной стадией анемии...

Судом установлено, что условия жизни детей О.С., К.С. и Т.С. опасны для их жизни, здоровья и нравственного воспитания; в частности, дети грязны, голодны, одеты не по сезону и состоят на учете в центре здоровья; О.С. бродяжничает, собирает пустые бутылки и попрошайничает, и в связи с этим дети должны быть отобраны у ответчиков и переданы Органу опеки...”

25. Заявители подали апелляцию на это решение. Они указывали, что Семейный Кодекс Украины содержит ограниченное число оснований для отобрания детей у родителей – уклонение от содержания детей, жестокость, хронический алкоголизм или наркомания со стороны родителей, эксплуатация детского труда, вовлечение детей в попрошайничество и бродяжничество. Заявители настаивали, что они не совершали ни одного из этих действий и что не было доказательств, что условия воспитания их детей,

² Около 300 евро

³ Около 300 Евро

хотя и скромные, были в действительности опасными. Заявители далее объясняли, что они не могут обеспечить детей лучшими условиями ввиду своей слепоты. Они заявляли, что подверглись дискриминации как люди с ограниченными возможностями здоровья и подчеркивали, что государственные власти должны обеспечить их семью необходимой поддержкой вместо отобрания детей. Заявители также ссылались на Статью 8 Конвенции.

26. 14 февраля 2005 года Сумский районный кассационный суд отклонил их заявление. Он повторил выводы суда первой инстанции о том, что оставление детей с заявителям подвергнет опасности жизнь, здоровье и нравственное воспитание детей. Inter alia, суд указывал:

“Факт того, что ответчики являются слепыми, не повлиял на решения суда. Заявители не доказали, что государственные власти создали неблагоприятные условия их жизни. Напротив, как следует из документов дела, государственные власти, в пределах своей компетенции, оказывали им помощь.

В соответствии со Статьей 8 Европейской Конвенции о защите прав человека, государство может вмешиваться в частную и семейную жизнь в целях защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Учитывая это и рассмотрев факты дела, суд приходит к заключению, что нарушение статьи 8 Конвенции отсутствует.”

27. Заявители оспорили решение в порядке кассации, опираясь по существу на те же аргументы, что и при первой апелляции. 22 марта 2006 г. Верховный Суд Украины отклонил их заявление, поданное в порядке кассации. Дети заявителей не были заслушаны ни на одной из стадий процесса.

28. Решение суда было приведено в исполнение 23 июня 2006 года. В конечном итоге К.С. был помещен в школу в Ромнах, в то время как О.С. и Т.С. – в школу в Сумах (около ста километров от г. Ромны). В соответствии с сообщениями социального педагога (*соціальний педагог*), работающего в новой школе О.С., от июня 2007 г., О.С. продолжает сбегать из школы, бродяжничать и часто находится в розыске.

[...]

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЛА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

37. Заявители утверждают, что решение суда от 2 декабря 2004 года нарушает их право на уважение к их семейной жизни, обеспечиваемое Статьей 8 Конвенции, которая гласит следующее:

“1. Каждый имеет право на уважение его ... семейной жизни...”

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.”

А. Приемлемость

38. Суд отмечает, что эта жалоба не является очевидно необоснованной в рамках смысла Статьи 35 § 3 Конвенции. Он далее отмечает, что отсутствуют другие основания для признания ее неприемлемой. В силу этого, она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

а. Заявители

39. Заявители признают, что их жизненные условия были очень скромными. Они, однако, не считают, что эти условия были столь плохи, чтобы подвергать опасности жизнь и здоровье детей и делать необходимым их изъятие из дома. В частности, нет доказательств, что дети страдали от каких-либо заболеваний, связанных с недостаточным питанием или грязью. Что касается нахождения О.С. и К.С. на учете в центре здоровья, то в его целесообразности заявители были убеждены советами врача, как в хорошей возможности для детей получить бесплатные путевки в летние лагеря.

40. Заявители не отрицают, что они получали некоторую финансовую и иную помощь от государства, но утверждают, что она была совершенно недостаточной для улучшения их ситуации. Более того, их обращение к властям с просьбой о проведении газа в их квартиру, что позволило бы им иметь газовое отопление и горячую воду, а следовательно и создать нормальные санитарные условия, не привело к результатам. По их мнению власти уделяли внимание лишь составлению документов относительно неадекватности их жизненных условий, вместо того, чтобы обеспечить их необходимыми консультациями по возможным решениям для их ситуации. Заявители далее согласились, что для детей могло быть полезным помещением их в интернаты, но утверждают, что это можно было сделать иным образом, без удаления их из под попечения родителей, в результате которого для заявителей стало практически невозможно проводить время с детьми вне образовательных учреждений, в особенности с учетом того, что дети были помещены в различные учреждения. По их мнению, не было никакой опасности в том, чтобы позволить детям кратковременно посещать родителей дома.

41. Заявители также указали, что в том, что касается бродяжничества О.С., они не могут быть обвинены, так как пытались дисциплинировать своего сына. Однако он часто убежал из школы, где находился под присмотром педагогов.

42. В целом, заявители утверждают, что государственные власти могли предпринять менее жесткую меру, чем отобрание у них детей, и что государство могло помочь им вырастить детей самостоятельно, обеспечив их адекватными условиями. Они также подчеркивают, что мнение детей не учитывалось в ходе процесса.

б. Правительство

43. Правительство согласно, что имело место вмешательство в право заявителей на уважение к их семейной жизни, гарантированное Статьей 8 § 1 Конвенции. Однако оно производилось в согласии с законом, а именно со ст. 170 Семейного Кодекса; преследовало законную цель защиты интересов детей; и не было несоразмерным.

44. Подчеркнув, что заявители не были лишены родительских прав, Правительство утверждает, что заявители редко посещали детей после их помещения в учреждения интернатского типа и не улучшили свои жилищные условия, таким образом показав свою незаинтересованность в воссоединении своей семьи.

45. В дополнение, Правительство информировало Суд, что заявители получали государственную денежную помощь, а также помощь от поддерживаемого государством

УОС, оказавшуюся бесполезной в силу незрелости и безответственности заявителей. По контрасту с этим, дети теперь проживают на государственном попечении в просторных комнатах с двумя-тремя соседями, могут посещать музеи и театры и ездят в летние лагеря.

46. В заключение, по мнению Правительства, обжалуемое вмешательство не образует нарушения Статьи 8 Конвенции.

2. Оценка Судом

а. Общие принципы

47. Суд вновь повторяет, что пребывание друг с другом родителя и ребенка является основополагающим элементом семейной жизни, и что меры со стороны местных властей, препятствующие такому пребыванию, являются вмешательством в права, защищаемые Статьей 8 (см. *inter alia*, *McMichael v. the United Kingdom*, 24 февраля 1995, § 86, Series A no. 307-B). Такое вмешательство является нарушением данной статьи за исключением случаев, когда оно совершается «в соответствии с законом», преследует одну из законных целей, перечисленных в Статье 8 § 2, и может рассматриваться как «необходимое в демократическом обществе» (см. вышеуп. *McMichael*, § 87).

48. При определении того, являлось ли конкретное вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Суд выясняет, были ли, в свете дела, рассматриваемого в совокупности, основания, приводимые в оправдание вмешательства, относящимися к целям параграфа 2 Статьи 8 Конвенции, были ли они достаточными, и был ли соответствующий процесс принятия решения справедливым и уделяющим должное внимание интересам, охраняемым Статьей 8 (см., например, *Kutzner v. Germany*, no. 46544/99, § 65, ECHR 2002-I, и *Sommerfeld v. Germany* [GC], no. 31871/96, § 66, ECHR 2003-VIII).

49. Суд далее вновь повторяет, что, несмотря на свободу усмотрения, которую имеют государственные власти, принимая решение о помещении ребенка под государственное попечение, разрушение семейных связей означает отсечение ребенка от его корней, что может быть оправдано лишь в очень исключительных обстоятельствах (см., к примеру, *Gnahoré v. France*, no. 40031/98, § 59, ECHR 2000-IX). Соответствующее решение, поэтому, должно основываться на достаточно твердых и веских соображениях в интересах ребенка, и государство-ответчик должно привести подтверждения, что были тщательно оценены последствия предложенной меры в отношении родителей и в отношении ребенка (см., к примеру, *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], nos. 39221/98 и 41963/98, § 148, ECHR 2000-VIII).

50. В частности, когда решение объясняется в терминах необходимости защиты ребенка от опасности, существование такой опасности должно быть действительно установлено (см. *mutatis mutandis*, *Haase v. Germany*, no. 11057/02, § 99, ECHR 2004-III (извлечения)). При принятии решения об отнятии ребенка может иметь значение множество факторов, как то: будет ли ребенок, оставленный на попечении родителей, страдать от плохого обращения или отсутствия заботы, недостатков в отношении образования и нехватки эмоциональной поддержки; или является ли помещение ребенка государством под государственное попечение необходимостью вследствие состояния его физического или психического здоровья (см. *Wallová and Walla v. the Czech Republic*, no. 23848/04, § 72, 26 октября 2006 и *Havelka and Others v. the Czech Republic*, no. 23499/06, § 57, 21 июня 2007). С другой стороны, один тот факт, что ребенок может быть помещен в более благоприятную для его или ее воспитания среду, сам по себе не оправдывает такую меру, как принудительное отнятие ребенка (см., к примеру, *K.A. v. Finland*, no. 27751/95, § 92 ECHR 2003-I). Не может эта мера быть оправдана и простой ссылкой на рискованное положение родителей, при котором могут помочь менее радикальные меры, чем разделение семьи, такие как целевая финансовая поддержка и

социальное консультирование (см., к примеру, *Moser v. Austria*, no. 12643/02, § 68, 21 сентября 2006; вышеуп. *Wallová and Walla*, §§ 73-76; и вышеуп. *Havelka and others*, § 61).

51. Далее, при качественной оценке процесса принятия решения, приведшего к разделению семьи, Суд принимает во внимание, в частности, то, были ли выводы государственных властей основаны на достаточной доказательной базе (включая, как относящиеся к делу, показания свидетелей, отчеты компетентных властей, психологические и иные экспертные заключения, медицинские записи), а также то, имели ли заинтересованные стороны, в частности родители, достаточную возможность принимать участие в рассматриваемой процедуре (см., *mutatis mutandis*, *Schultz v. Poland* (dec.), no. 50510/99, 8 января 2002; *Remmo and Uzunkaya v. Germany* (dec.), no. 5496/04, 20 марта 2007; и *Polášek v. Czech Republic* (dec.), no. 31885/05, 8 января 2007). Суд также обращает внимание на то, была ли, если это было уместно, предоставлена возможность самим детям выразить свои взгляды (см., к примеру, вышеуп. *Havelka and Others*, § 62, и вышеуп. *Haase*, § 97).

52. В любом случае, помещение детей в приют в норме должно рассматриваться как временная мера, которая должна быть прекращена, как только это позволят обстоятельства. Кроме того, она не может быть оправдана, если прежде не были рассмотрены возможные альтернативы (см. вышеуп. *K. and T.*, § 166; вышеуп. *Kutzner*, § 67; и вышеуп. *Moser*, § 70) и должна рассматриваться в контексте позитивного обязательства государства предпринимать серьезные и длительные усилия, направленные на содействие воссоединению детей с их естественными родителями, а до этого – позволять им поддерживать регулярные контакты между собой, включая, когда это возможно, совместное проживание братьев и сестер (см., *mutatis mutandis*, вышеуп. *Kutzner*, §§ 76-77 и вышеуп. *K. and T. v. Finland* [GC], § 179).

b. Приложение этих принципов к настоящему делу

53. Стороны согласны, что решение о помещении О.С., К.С. и Т.С. на государственное попечение было вмешательством в права заявителей, гарантированные Статьей 8; что это вмешательство осуществлялось в соответствии с законом и преследовало законную цель защиты интересов детей. Остается рассмотреть, было ли это вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

54. В данном отношении Суд прежде всего отмечает, что заявители в целом согласны с Правительством, что помещение детей в специальные образовательные учреждения, такие как интернаты, могло быть полезно для них с материальной точки зрения, в свете ограниченности ресурсов, которыми они обладали для удовлетворения своих повседневных нужд. Они, однако, не согласны с тем, что для этого было необходимо распоряжение об отобрании детей, ограничившее их возможность забирать детей домой во внеучебное время, такое, как каникулы и выходные.

55. Суд отмечает, что государственные власти основывали это решение на выводе о том, что заявители, в силу недостаточных финансовых средств и личных качеств, были неспособны обеспечить детей подходящим питанием, одеждой, санитарной средой и заботой о здоровье, а также гарантировать их социальную и образовательную адаптацию, таким образом подвергая опасности жизнь, здоровье и нравственное воспитание детей. Суд находит, что эти основания вне всякого сомнения имеют отношение к принятию рассматриваемого решения.

56. Однако, оценивая то, были ли они также достаточными, Суд подвергает сомнению адекватность соответствующей доказательной базы вывода о том, что условия проживания детей были в действительности опасны для их жизни и здоровья. Он отмечает, в частности, что начатый в январе 2004 г. процесс по помещению детей на государственное попечение не повлек удаления детей из дома до 23 июня 2006 года, никакие промежуточные меры не осуществлялись, и никакого действительного вреда,

нанесенного детям за этот период, не зафиксировано. Далее, ряд конкретных выводов (о том, что дети лишены подходящего питания, одеты несоответственно и часто остаются дома одни) основывались исключительно на сведениях от муниципальных властей, полученных в ходе совершаемых ими время от времени инспекций жилища заявителей. Никаких других доказательств, подкрепляющих эти выводы, таких, как собственные взгляды детей, их медицинские записи, мнения их педиатров или показания соседей, изучено не было. В действительности, единственным объективным доказательством, поддерживающим вывод о неадекватном состоянии здоровья детей, на котором суд основывал свое решение, была медицинская справка годичной давности, подтверждающая постановку на учет О.С. и К.С. в связи с начальной стадией анемии, точность которой, оспоренная заявителями, не была проверена. Подобным образом, в том, что касается неспособности заявителей обеспечить соответствующую образовательную и социальную адаптацию их детей, суд полагался прежде всего на сообщения муниципальных властей о том, что О.С. замечался в бродяжничестве и попрошайничал, но никаких ссылок на даты, частоту таких ситуаций, имена свидетелей и иные относящиеся к делу обстоятельства, затребовано не было.

57. Далее, не представляется, что судебные власти сколько-нибудь серьезно проанализировали степень, в которой утверждаемая неадекватность воспитания детей была связана с неустранимой неспособностью заявителей обеспечить требуемую заботу, а не с их финансовыми трудностями и объективными проблемами, которые могли быть разрешены посредством целевой финансовой и социальной поддержки, а также действенного консультирования. В связи с финансовыми трудностями, в задачи Суда не входит определение того, давала ли необходимость заботы о семейном единстве право семье заявителей на получение определенного жизненного уровня за счет государства. Однако этот вопрос должен был быть рассмотрен, сперва соответствующими государственными властями, а затем – в процессе судебных слушаний.

58. Что касается той степени, в которой неадекватность воспитания детей могла быть следствием утверждаемой безответственности заявителей в качестве родителей, никакие независимые доказательства (такие, как заключение психолога) не привлекались для оценки их эмоциональной и психической зрелости или наличия мотивации для разрешения их хозяйственных трудностей. Также в обосновании решения суда не было приведено анализа попыток заявителей улучшить свою ситуацию, таких как прошение об обеспечении их хозяйства природным газом, о выплате задолженности по зарплате или о помощи в трудоустройстве. Напротив, суды, как кажется, приняли на веру сообщения муниципальных властей о том, что заявители не улучшили свои жилищные условия и отношение при наличии финансовой и иной помощи, а также необходимого консультирования. Помимо описательных выводов в отчетах инспекций, постоянно указывающих на одни и те же проблемы, такие как сырость детского матраса, не было истребовано данных, касающихся реального объема и достаточности социальной помощи, или содержания конкретных рекомендаций, предоставленных в процессе консультирования, равно как и объяснений того, почему эти рекомендации не были выполнены. Суд находит, что истребование конкретной информации в этом отношении было бы уместным при оценке того, выполнили власти свои следующие из Конвенции обязательства по содействию единству семьи, и в достаточной ли мере они изучили эффективность менее далеко идущих мер, прежде чем прибегнуть к отделению детей от их родителей.

59. Суд также отмечает, что ни на одной стадии процесса дети (включая и О.С., которому было тринадцать лет во время слушаний в первой инстанции в декабре 2004 года) не были заслушаны судьями, и что при исполнении распоряжения об отобрании детей, дети не только были отделены от родной семьи, но и помещены в различные учреждения. Двое из них проживало в другом городе, вдали от г. Ромны, где находились

их родители и братья и сестры, что делало затруднительным поддержание регулярных контактов между ними.

60. С учетом всех вышеизложенных соображений, суд заключает, что хотя основания, представленные государственными властями для отобрания детей, относились к делу, они не были достаточными для оправдания столь серьезного вмешательства в семейную жизнь заявителей.

61. Таким образом, имело место нарушение Статьи 8 Конвенции.

[...]

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

71. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

A. Ущерб

72. Заявители требовали 30,000 евро (EUR) в возмещение морального ущерба.

73. Правительство оспорило данное требование.

74. Суд согласен, что заявители пострадали от морального ущерба в результате неисполнения Государством своих обязательств в отношении прав заявителей на уважение их семейной жизни. Он находит, что моральный ущерб не в достаточной мере возмещается самим выводом о нарушении Конвенции. Оценив его на справедливой основе, Суд присуждает заявителям в общей сложности 5,000 EUR в возмещение морального ущерба, с добавлением к этому любых налогов, которые могут быть истребованы с этой суммы.

[...]

(Перевод неофициальный)

© 2010, П. Парфентьев, неофициальный перевод на русский язык

Информация подготовлена МОО «За права семьи»